

Гессенская премия мира
Бывший сенатор США Сэм Нанн
Сопредседатель Фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (NTI)
Висбаден, Германия
11 июня 2008 г.

Президент Картманн, премьер-министр Кох:

Я хочу поблагодарить вас обоих за ваши слова и за тёплый приём, который мне оказали здесь в Гессе.

Я глубоко признателен Фонду Альберта Освальда, а также Карлу Старзакеру, профессору Мюллеру и членам совета попечителей за эту престижную награду и оказанную мне честь. Благодаря этой награде я верю, что вы посылаете ясный сигнал всему миру о том, что мы должны вместе работать над сокращением ядерных рисков, угрожающих человечеству.

Для меня огромная честь присоединиться к вашему впечатляющему списку удостоенных этой награды и то, что сегодня меня представил Ганс Бликс. После блестящей карьеры на государственной службе и ухода на заслуженный отдых, Ганс вернулся, чтобы стать Главой инспекторов ООН по вооружениям в Ираке. Он подвергся необоснованной критике со стороны определённых кругов, так как не нашёл того... , чего там не было.

Ганс – человек чести и мужества, преданный тому, чтобы сделать мир более безопасным, и настоящий герой. Ганс, я хочу поблагодарить вас за ваше выдающееся служение человечеству, и для меня большая честь получить эту награду вслед за вами.

Некоторые были удостоены этой награды за выполненную миссию. Я могу заверить всех присутствующих здесь в том, что я не путаю это замечательное признание с завершением работы. Существует всё увеличивающаяся опасная пропасть между растущей угрозой и нашим ответом. Сегодня нам необходимо спросить себя, извлекли ли мы урок из «холодной войны»?

Роль, которую ядерные угрозы сыграли в формировании моей профессиональной деятельности, начала разворачиваться 45 лет назад – вблизи Висбадена, на базе ВВС США в Рамштайне. Давайте мысленно перенесёмся в октябрь 1962 г. Мне было 24 года. Я работал штатным юристом в комиссии палаты представителей по делам вооружённых сил (ВС) в течение трёхнедельной поездки в Европу. Наша маленькая группа посещала базы НАТО, когда разразился Кубинский ракетный кризис. В этот период, в то время как весь мир затаил дыхание, наша делегация встретилась в Рамштайне с командующим ВВС США в Европе. Он объяснил, что, в случае войны, у него было бы лишь несколько минут на то, чтобы поднять в воздух все его авианосные силы быстрого реагирования, иначе они были бы уничтожены. Эти самолёты являлись первой мишенью для Советского Союза, так как они доставили бы первое ядерное оружие для нанесения удара по СССР.

Тот факт, что судьба человечества была в руках нескольких человек, у которых были лишь мгновения, чтобы решить, поднимать [самолёты в воздух] или нет, произвело на меня глубокое и неизгладимое впечатление. С того раннего периода моей жизни, я был предан тому, чтобы сделать всё возможное для увеличения времени оповещения для обеих сторон, и реализации других мер во избежание вероятности возникновения ядерной войны, включая войну, возникшую случайно или в результате катастрофической ошибки. Сегодня у нас всё ещё имеются тысячи единиц оружия в состоянии боевой готовности с очень коротким промежутком времени для принятия решения теми, чьи руки находятся на ядерной кнопке. Наша задача по сокращению риска далеко не выполнена.

Давайте перенесёмся в 1974 г. – мой первый визит в НАТО в качестве новоизбранного сенатора. Было ясно, что Организация Варшавского договора, возглавляемая Советским Союзом, имела огромное преимущество над НАТО по численности военнослужащих, количеству танков, артиллерийского и другого снаряжения. НАТО разработало ядерную стратегию «применения первым» для сдерживания концентрации и применения огромных танковых формирований на протяжении восточной границы НАТО и предотвращения вторжения на территорию Германии и Западной Европы.

В ходе неформальных обсуждений, которые проходили поздно ночью, я узнал, что у нас была не только установка на «применение первыми», но установка на «раннее применение первыми». Те, кто отвечали за эти вопросы, чётко разъяснили мне, что, в случае вторжения СССР, им придётся просить немедленных санкций для применения тактического ядерного оружия малого радиуса действия. Они предполагали, что ни один президент США не даст санкций на применение [оружия] по меньшей мере в течение нескольких дней и поэтому в их намерения входило сделать запрос на самом раннем этапе. Одним словом – в случае войны, мы бы мгновенно продвинулись в сторону эскалации. Я провёл большую часть своего пребывания в сенате США, работая над укреплением обычных вооружённых сил НАТО, чтобы мы могли уйти – как в оперативном, так и в психологическом отношении – от раннего применения первыми тактического ядерного оружия.

Сегодня не существует ни Организации Варшавского договора, ни Советского Союза. Мы существенным образом сократили политические трения и военное противостояние. Однако ослабление обычного военного потенциала России привело к тому, что [Россия] повысила свою зависимость от ядерного оружия, включая тактическое ядерное оружие малого радиуса действия. Так же, как НАТО поступило во время «холодной войны», Россия в настоящее время объявила о возможном применении ядерного оружия первой.

Добро пожаловать в конец «холодной войны» – тактическое ядерное оружие всё ещё в моде и впервые, как Россия, так и НАТО, сохранили за собой право применить ядерное оружие первыми, даже если в ходе нападения не будет использовано ядерное оружие. В сегодняшнем мире существует большая вероятность, что любой ядерной конфликт между Россией и НАТО будет скорее случайным, нежели запланированным, и как России, так и НАТО необходимо кардинально пересмотреть установку на применение

ядерного оружия первыми. Тактическое ядерное оружие малого радиуса действия – мечта террористов. Я считаю, в жизненных интересах безопасности НАТО и России прийти к соглашению о прозрачности и отчётности по всем видам этого оружия. На сегодня это обсуждение ещё даже не началось.

Перенесёмся в 1991 г. Вскоре после того, как президента Горбачёва выпустили из-под домашнего ареста, после провалившегося августовского переворота, со мной связался русский друг, предложивший мне срочно приехать в Москву для встречи с новыми российскими лидерами и президентом Горбачёвым. Во время моих предыдущих встреч с президентом Горбачёвым, он всегда был откровенным и прямым человеком. Когда я уходил со встречи, я спросил его: "Господин президент, вы сохранили командование и контроль над советскими ядерными войсками во время попытки переворота?" Президент Горбачёв посмотрел в сторону и промолчал. Этого было достаточно для меня в качестве ответа.

Советский Союз распадался. Я верил, что конец Советской империи ускорит наступление свободы и снизит риск войны, однако я покинул Москву уверенным в том, что он же представляет серьёзную опасность для глобальной безопасности. Советский Союз имел сотни тысяч ядерных боеголовок и достаточное количество высокообогащённого урана и плутония для создания от 40 тысяч до 60 тысяч дополнительных [боеголовок], которые хранились свыше чем в 250 сооружениях на более чем 50 объектах, находящихся в 11 часовых поясах. Помимо этого, у страны был огромный запас химического оружия и биологических материалов, а также тысячи учёных, знавших как создавать оружие массового поражения. Поскольку одна стратегическая ядерная держава превратилась в четыре – Россия, Казахстан, Украина и Беларусь – будущее безопасности выглядело как неопределённым, так и зловещим.

В течение следующих двух месяцев я присоединился к сенатору Ричарду Лугару и другим сенаторам для того, чтобы убедить наших коллег в конгрессе США в том, что оказание помощи Москве в обеспечении физической защиты её ядерному оружию и материалам, ликвидации избыточного оружия, а также трудоустройстве его учёных-оружейников было не «оказанием помощи советской армии», как некоторые называли это, а лишь способом предотвратить катастрофу в национальной безопасности для США, России, Европы и всего мира. Конгресс одобрил первый законопроект Нанна-Лугара осенью 1991 г., всего за несколько месяцев до официального распада Советского Союза.

Благодаря программам Нанна-Лугара по совместному уменьшению угрозы, были уничтожены сотни ракет, деактивированы тысячи боеголовок, обеспечены физической защитой тонны ядерных материалов и трудоустроены тысячи специалистов-оружейников. Всё это было бы невозможно без общего чувства первоочерёдности у россиян и американцев.

К сожалению, несмотря на важные достижения, наши усилия не идут в ногу с угрозой. Возрастающее распространение ядерного оружия, ядерного ноу-хау и ядерных материалов привело нас сегодня к ядерному переломному моменту:

- Террористы стремятся завладеть ядерным оружием, и не должно быть сомнений в том, что как только у них появится это оружие, они его применят.
- Материалы, пригодные для создания ядерного оружия, существуют более чем в 40 странах. Некоторые из этих материалов защищены не более чем проволочной оградой и, при текущем темпе, потребуются десятилетия на то, чтобы эти материалы были соответствующим образом защищены или уничтожены по всему миру.
- Ноу-хау и специальные знания, необходимые для создания ядерного оружия, являются более доступными в настоящее время в силу информационного и торгового бума во всём мире.
- Растёт число ядерных государств. Мир, в котором существуют 12 или 20 ядерных государств, будет более опасным и будет в большей степени способствовать тому, что ядерное оружие окажется в руках террористов.
- Учитывая растущий интерес к ядерной энергетике, число стран, рассматривающих развитие возможностей по обогащению урана – возможность, которая также обеспечит их средствами создания ядерного оружия и сырьём для катастрофического терроризма.
- Тем временем, США и Россия продолжают размещать тысячи ядерных боеголовок на баллистических ракетах, которые способны поразить цели менее чем за полчаса – установка, которая несёт в себе неприемлемый риск случайного, ошибочного или несанкционированного пуска.

Сегодня мы все участвуем в гонке между сотрудничеством и катастрофой.

С мыслями об этих растущих опасностях, бывшие госсекретари США Джордж Шульц и Генри Киссинджер, бывший министр обороны США Билл Перри и я в январе 2007 г. опубликовали статью в журнале *The Wall Street Journal*, в котором призывали к кардинальному изменению направления нашей политики, связанной с ядерным оружием.

Мы четверо и многие другие лидеры в вопросах безопасности, поддержавшие наши взгляды, глубоко осознаём, что поиск мира, свободного от ядерного оружия, полон практических и политических испытаний.

Как было написано в журнале *The Economist* в 2006 г.: «Само по себе требование создания мира, свободного от ядерного оружия, без готовности решать практические проблемы, которые могут возникнуть в ходе процесса, является гарантией того, что это никогда не произойдёт».

Мы нацелились на решение практических проблем с помощью разработки серии мер для достижения цели по снижению роли ядерного оружия путём предотвращения попадания оружия в руки террористов и, в конечном итоге, избавив от него мир.

В более широком смысле, меры включают в себя резкое сокращение количества ядерного оружия, снятие оружия с состояния мгновенного запуска и повышенной боевой готовности, ликвидацию тактического ядерного оружия малого радиуса действия, а также преобразование текущего конфликта с Россией из-за ПРО в возможность совместного сотрудничества по времени оповещения – времени принятия решения и обороны против ограниченных нападений независимо от того, умышленные ли они или случайные.

Мы должны обеспечить ядерное оружие и материалы во всём мире самыми высокими стандартами физической защиты. Мы должны усилить возможности контроля и соблюдения требований.

Нам необходимо ограничить доступность высокообогащённого урана с помощью ряда совместных методов, и мы, в Америке, должны работать для того, чтобы Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) вступил в силу.

В конечном итоге, мы должны удвоить усилия по разрешению региональных противостояний, которые увеличивают спрос на ядерное оружие.

Каждая из этих мер поможет сократить риск применения ядерного оружия и каждая мера поможет создать дух доверия и сотрудничества. Мы не можем предпринять эти жизненно важные меры без сотрудничества с другими государствами. Мы не можем установить сотрудничество с другими государствами без концепции ликвидации этого оружия как угрозы миру.

Без смелой концепции, действия не будут восприниматься как справедливые или безотлагательные. Без действий, концепция не будет восприниматься как реалистичная или осуществимая.

Реакция большинства людей на концепцию мира, свободного от ядерного оружия, бывает двоякой. С одной стороны, они говорят: «Это было бы здорово». А с другой стороны: «Нам никогда этого не добиться».

На мой взгляд, цель мира, свободного от ядерного оружия, подобна вершине очень высокой горы. Заманчиво и легко сказать: «Мы не можем отсюда до неё добраться». Это правда, что сегодня в нашем беспокойном мире мы не видим вершину горы. Однако мы можем видеть то, что мы идём вниз, а не вверх. Мы видим то, что мы должны повернуть назад, что мы должны пойти по тропинкам, ведущим к возвышенности, и то, что мы должны повести за собой и другие государства.

Позвольте закончить выступление притчей о надежде. После распада Советского Союза, когда США начали сотрудничать с Россией по демонтажу советских ядерных

ракет и боеголовок, наши страны заключили договор по сокращению избыточного высокообогащённого урана.

В соответствии с этим договором, 500 тонн высокообогащённого урана из бывшего советского ядерного оружия разбавляется до состояния низкообогащённого урана, а затем используется как топливо для атомных электростанций в США.

Когда вы подсчитаете, что 20% всего электричества в США вырабатывается атомными электростанциями и 50% всего ядерного топлива, используемого в США, поступает в рамках этого договора, вы сталкиваетесь с интересным фактом: на сегодняшний день, грубо говоря, одна из каждых десяти электрических лампочек в Америке создаётся из материала, который 20 лет назад находился в советских ядерных боеголовках, нацеленных на США и другие страны-члены НАТО.

От мечей до плужных лемехов. Кто бы мог подумать в 50-е, 60-е, 70-е, 80-е и даже 90-е годы, что это будет возможно? Это, безусловно, казалось бы невероятно высокой горой для того, чтобы покорить её.

Сегодня мы можем показать нашим детям и внукам красоту и безопасность вершины горы, но только если у нас будет концепция тропы, идущей вверх... и мужество пойти по ней.

Примерно 20 лет назад президент Рейган сказал: «Мы сейчас обладаем оружием, которое способно уничтожить мир, так почему бы нам не распознать эту угрозу более чётко и затем не объединиться с одной целью в мыслях: как мы можем безопасно, разумно и быстро освободить мир от этой угрозы нашей цивилизации и нашему существованию».

Если мы хотим, чтобы наши дети и внуки могли когда-либо увидеть вершину горы, наше поколение должно начать отвечать на этот вопрос.